

Слепой "слушач"

Капитанский мостик — в День Победы

Ах, война, что ж ты сделала, подлая...

Б. Окуджава

Чем ближе этот праздник, тем дальше он уходит из памяти. Наверное, это правильно, что наша память хранит преимущественно только хорошее. Но приходит это с годами. Великий Праздник — День Победы — единственный из всех советских, который я отмечаю. В этот день я стараюсь избегать праздничных банкетов, чтобы не чувствовать себя "свадебным генералом". В этот день я остаюсь наедине со своей памятью, со своими мыслями.

Судьба подарила мне удивительных друзей. Самым близким я посвятил рассказ-памятник "О друзьях-товарищах", напечатанный в журнале "Флорида". И хоть проходят годы, и война оказалась вдруг в ушедшем, прошлом веке, но, наверное, никогда не будет конца этой проклятой теме, пока я жив, пока жива моя память... Вот и опять возникла она из небытия.

Для меня, как и для моих сверстников — курсантов Одесской военноморской спецшколы, юность закончилось утром 22 июня 1941 года. Война застала нас на летней практике — на кораблях и береговых батареях. В этот день мы услышали первый свист бомб и первый незнакомый запах взорванной земли, к которому потом долго привыкали. А звон падающих на палубу отстрелянных гильз у меня в ушах стоял долгие годы.

Мы, пятнадцати-шестнадцатилетние, выросли под присмотром отцов-командиров, заменивших нам родителей. Но пули и снаряды, как известно, не выбирают, взрослый ты или пацан, а потому после войны нас, "спецшколистов", осталось очень мало. Кто-то предложил ежегодно встречаться у памятника Дюку в последнее воскресенье июля, на который приходится День военно-морского флота. Вначале собралось нас около сорока человек. Но с годами наше братство "морской бурсы" редело.

Я был часто в море, а потому всего только трижды смог встретиться с однокашниками. И каждый раз эти встречи заканчивались походом в ресторан "Волна". Помню, когда впервые мы пришли в ресторан и сели за стол, к нам подошел скрипач в темных очках со стриженными под ежик седыми волосами. Он пожал всем руки, молча выпил фужер водки, снова

пожал руки, и его проводили на сцену. Скрипач был слепой. Но играл он блестяще. Когда по залу расплылась мелодия "Раскинулось море широко", все затихли.

"Кто это?" — наклонился я к приятелю. "Так это ж наш однокашник Гарик Пресс. Ты не слышал? Его все зовут Слухач".

Прошло немного лет. Уже открыли мемориал — Аллея Славы, и в День Победы толпы одесситов приходили сюда возлагать цветы на черные мраморные обелиски. Как-то с моим близким другом Колей Дрогиным, тем самым Колей, кто единственный чудом остался в живых из экипажа подводной лодки "М-33", мы пошли положить цветы на плиту, установленную в память об этой субмарине. Рядом находилась еще одна плита — память об экипаже подлодки "М-60". Возле нее стоял Гарик Пресс и играл "Раскинулось море широко". Раскрытый футляр был наполнен деньгами. Мелодия умолкла, но никто из собравшейся вокруг толпы не шелохнулся, у многих на глазах были слезы...

Возле скрипача стояли два подростка — мальчик и девочка.

— Дети, — обратился к ним Гарик, — возьмите деньги, купите себе мороженное, а на все остальное — цветы, и положите их на плиту.

Я подошел и, тронув музыканта за руку, напомнил о себе. Потом представил Николая.

— Ну что? Пойдем в "Волну"? — предложил я.

— Нет, — покачал головой Гарик, — сегодня я выходной.

— Тогда пойдем в "Глечик", тут рядом, — предложил Николай.

Мы отпустили сопровождавших Гарика ребят и пообещали лично доставить его домой. Ресторан был переполнен, но геройская звезда Николая сработала мгновенно, и нам накрыли отдельный стол.

Не помню, кто из великих сказал замечательную фразу, что до сорока лет каждый человек представляет собою текст, а после сорока — комментарии к нему. И в этом я убедился в тот вечер, слушая рассказ своего однокашника.

Отец Гарика Самуил Иосифович Пресс был радистом на подводной лодке. Когда-то по комсомольскому набору он пришел на флот, через два года стал командиром отделения радистов и остался на сверхсрочную службу. В Севастополе он женился, там же родился Гарик. Вскоре молодая семья Пресс перебралась в Одессу, куда перебазировали несколько подлодок.

Гарик Пресс поступил в нашу спецшколу вопреки желанию родителей, которые видели в нем музыканта. В семь лет его редкий слух привлек внимание соседа-скрипача, он начал с ним заниматься. Через год сосед

сказал родителям, что ученик догнал учителя, и Гарика отвели в школу Столярского, знаменитую далеко за пределами Одессы. Сам Столярский, прослушав мальчика, сказал родителям, что их сын — алмаз, и нуждается только в огранке.

Стать бы Гарика знаменитым музыкантом, но тут, как назло, открылась военно-морская спецшкола и (видно, сработали гены!) сын моряка, не спрашивая родителей, отдал туда документы. Мама Варя упала в обморок. Отец отправился к начальнику школы капитан-лейтенанту Могилеву. О чем они там говорили — неизвестно, но Гарика было поставлено условие: если спецшкола, то и музыка — одного без другого не будет. Гарик условие принял и по вечерам продолжал посещать музыкальную школу.

Прозвище Слухач он получил за способность узнавать шаги начальства. С сигналом "приступить к занятиям" всех курсантов словно смывало из коридора по классам, и наступала гробовая тишина. В гулком коридоре раздавались только шаги преподавателей, и Гарик безошибочно называл каждого из них.

Когда началась война, подлодки, в том числе и экипаж Самуила Пресса, ушли в Севастополь. Мать Гарика пыталась эвакуироваться, но как и сотни других одесситов, спасавшихся на пароходе "Ленин", утонула. Гарик самостоятельно добрался до Севастополя, и отец определил его в учебный отряд по специальности акустик, что на морском сленге означает "слухач". Под водой субмарина слепа, и акустик — ее глаза и уши. В те годы акустика находилась в зачаточном состоянии, и гидрофоны были далеки от совершенства. Иметь хорошего "слухача" — это гарантия успеха атаки и скрытности подводной лодки. Акустиков обучали распознаванию звуков в воде, записанных на пластинки: от шумов корабельных винтов до писка дельфинов. В класс акустиков отбирали людей с абсолютным слухом.

Закончив обучение, Гарик получил назначение на подводную лодку "Щ-203". Весной 1942 их перебазировали на Кавказ, в Потю. Начались боевые будни, и с отцом он практически не виделся. А в августе 1942 лодка "М-60", на которой служил Самуил Пресс, ушла на боевое задание и больше не вернулась...

Необыкновенные способности Гарика проявились уже в первом боевом походе. И во второй поход Гарик был назначен главным акустиком. Молва о необыкновенном "слухаче" быстро распространилась по дивизиону.

Но, к сожалению, не все зависит только от акустика. В августе 1943 года лодка была обнаружена и атакована немецкими самолетами. На нее было сброшено больше полусотни глубинных бомб. От взрывов корпус дал течь,

от сотрясения вырвало аккумуляторы из гнезд. Пары хлора стали заполнять отсек. Когда лодка оторвалась от преследования и всплыла в ночной темноте, несколько человек из экипажа уже были без сознания. Их вынесли на свежий воздух. Вернуть к жизни удалось только Гарика, но... он ослеп.

Начались скитания по госпиталям, однако надежды на излечение не оправдались. Гарик мог отличать только день от ночи. Чудом уцелела скрипка, она и спасала от тоски и одиночества. Так, не видя ничего перед собой, держа в руках скрипку и справку об инвалидности, Гарик приехал в свою часть в Потти. За это время его лодку отремонтировали, но из следующего похода она уже не вернулась. Слепота и одиночество полностью окутали Гарика Пресса: он потерял и родителей, и родной экипаж. Казалось, выхода нет. Но вопреки всем законам, командир дивизиона Клынин оставляет его, слепого, служить инструктором-акустиком и даже больше того, дважды берет с собой в море на задание! Я не знаю, бывали ли подобные случаи в мировой военно-морской практике, но факт остается фактом: за смелость и невероятное мужество, проявленное на море, Гарика Пресса наградили высшей морской наградой — медалью Нахимова.

В августе 1945 года Гарик демобилизовался и вернулся в Одессу. В знаменитом глазном институте Филатова ему сделали три операции, он стал видеть только контуры при ярком свете. Но жить ведь надо. Его поводырем становится стальная трость, а кормилицей — скрипка. Так и попал он в ресторан "Волна".

— Теперь я профессиональный "лабух", но на жизнь хватает, спасибо родителям, — закончил Гарик свой рассказ.

Уже было темно, "Глечик" опустел, а мы все сидели и сидели.

— Почему ты не... — начал и, тут же поняв всю бестактность, прервал я свой вопрос.

Но Гарик его сразу понял:

— О хорошем профессиональном оркестре речи быть не может. У меня за плечами только музыкальная школа, да и дирижерской руки я не вижу.

Так и не допив, мы вызвали такси и отвезли скрипача домой. Он жил рядом с рестораном "Волна". Мы молча довели Гарика до ворот.

— Спасибо за вечер, дальше меня не провожайте, — сказал он и застучал своей тростью по камням.

Это было 9 мая 1975 года — три десятилетия со Дня Победы.

Встречался я с Гариком еще пару раз, в той же "Волне", но от предложенной рюмки он всегда отказывался. "Я ведь вообще не пью, — говорил он, — мне нужна твердая рука. Только 9 Мая могу одну стопку".

Как сложилась его дальнейшая судьба, мне неизвестно. В Одессу я попал редко, ресторан "Волна" после развала Союза закрыли, и следы слепого подводника затерялись. Но, как известно, каждая история имеет свой эпилог. Есть он и у этой. Весной 1950 года в семи милях к юго-востоку от мыса Большой Фонтан рыбаки тралом зацепили какой-то предмет и подняли часть антенны подводной лодки. Вызвали корабль аварийно-спасательной службы, и водолазы обнаружили на дне советскую подводную лодку "М-60". Когда в июле 1951 года подготовили лодку к подъему, рядом в 150 метрах обнаружили еще одну подводную лодку, той же серии, "М-33". Обе субмарины подняли с глубины 27 метров, останки экипажей захоронили, а корпуса разделили на металлолом.

Созданная при Одесской военно-морской базе комиссия установила: "М-60" 26 сентября 1942 г. подорвалась на румынских минах, причем взрывов было два. Из 20-ти членов экипажа были обнаружены 12 останков. Остальные, вероятно, были уничтожены взрывом либо выдавлены через дыру разорванного корпуса. Подводная лодка "М-33" погибла 29 августа 1942 года, подорвавшись также на mine румынского заграждения. При осмотре лодки были обнаружены останки 16-ти из 20-ти членов экипажа. Четверо, вероятно, выбрались через рубочный люк, который оказался при осмотре открытым, но, скорее всего, утонули, так как до берега было 14 километров.

Останки экипажей были захоронены в одной братской могиле на Слободском кладбище, а к 30-летию Дня Победы — перезахоронены на Аллее Славы, где были установлены памятные плиты с именами экипажей этих двух подводных лодок.

Бывший комендор "М-33" Николай Павлович Дрогин уцелел совершенно случайно. Его перед уходом лодки на боевое задание направили на комсомольское собрание дивизиона. Прочитав заключение комиссии, Николай Дрогин вскоре поехал на мыс Большой Фонтан и начал свои поиски, которые привели его в поселок Люстдорф. Опрос сотни прибрежных жителей привел его к одному старику, который поведал, что осенью 1942 года он и два рыбака подобрали у берега четырех утопленников в тельняшках и тайно (так как рядом располагалась румынская батарея) захоронили их на берегу. Чтобы не потерять могилу, посадили там маленькое деревцо акации. Старик привел Николая к этому месту — здесь действительно цвело дерево, а под ним из камней выложили якорь. Через год Николай вернулся на Большой Фонтан к могиле своих боевых товарищей. Он привез цемент и кирпичи, чтобы сделать надгробие, но ни дерева,

ни якоря из камней не нашел, — все покрыла асфальтовая дорога. И старика, знавшего это место, в живых уже не было. Кто были эти моряки, из какого экипажа? — мы уже никогда не узнаем. Ведь обе подлодки погибли рядом и той же осенью.

На другой день после нашей встречи в "Глечике" мы втроем — Гарик, Николай и я — поехали на Большой Фонтан, взяли лодку и опустили на воду венок.

Прошло много лет, много рейсов и праздников вдали от родного города. Последний раз я был в Одессе осенью 2005 г. В ресторане "Волна", заново перестроенном, гремела музыка. Никто из музыкантов о слепом скрипаче ничего не слышал. Дом, в котором жил Гарик, тоже перестроили, ничто уже не напоминало о нем... Ушел из жизни и другой подводник, дорогой мой друг Коля Дрогин...

В одиночестве шел я по Аллее Славы. Золотые осенние листья обсыпали обелиски. На черной плите подводников лежала, придавленная камнем от ветра, старая бескозырка советского производства с золотым тиснением на ленточке: "Подводные силы ЧФ". Я положил на обелиск гвоздики и отряхнул от листьев бескозырку. Спасибо тем, кто ее сохранил, и тем, кто еще помнит.

Майами

